

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ЗНАМЕНИТЫЙ РОМАН.
ФИЛИППА ГРЕГОРИ»

Цикл «Война Алой и Белой роз»

Алая королева
•
Хозяйка Дома Риверсов

Цикл «Тюдоры»
Еще одна из рода Болейн
•
Королевская шутиха
•
Любовник королевы
•
Колдунья

Цикл «Земные радости»

Земные радости
•
Земля надежды

Цикл «Широкий Дол»

Широкий Дол
•
Возлюбленное дитя

Филиппа
Грезори

Благословенное
дитя

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г 79

Philippa Gregory
THE FAVOURED CHILD
Copyright © 1989 by Philippa Gregory Ltd

Перевод с английского *И. Майгуровой*
Художественное оформление *Г. Булгаковой*

*Ранее книга выходила под названием «Избранное дитя,
или Любовь всей ее жизни»*

Грегори, Филиппа.
Г 79 Благословенное дитя / Филиппа Грегори ; [пер. с англ.
И. Майгуровой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 704 с. —
(Знаменитый роман. Филиппа Грегори).

ISBN 978-5-699-77575-0

Юная Джулия никогда не сомневалась в своей любви к земле. Она слышала ее зов, видела ее красоту. Ее неотступно тянуло пуститься бегом по лесам и просторным полям, вдохнуть свежий воздух английских равнин, окунуться в прозрачные воды чистой реки. Она смотрела на Широкий Дол и мечтала сделать его еще лучше, еще красивее.

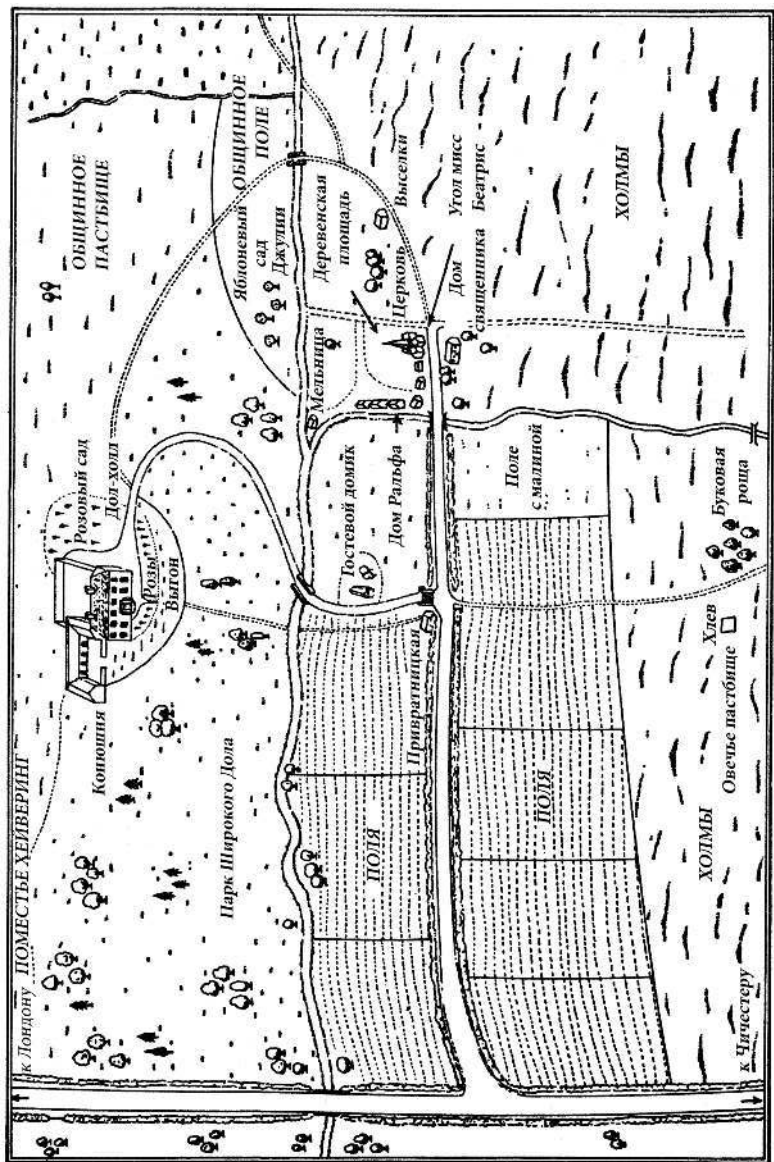
Но на ее пути появляется соперник — на поместье претендует Ричард, человек жестокий и алчный, который ни перед чем не остановится.

На что готова пойти молодая леди ради любви к Широкому Долу? Восстанет ли она против существующих порядков и принесет ли покой и процветание родной земле или ее мечтам не суждено сбыться?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-77575-0

© Майгурова И., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Сновидение

Прежде любых воспоминаний был сон. Прежде Ричарда, прежде первого моего взгляда на холмы вокруг Широкого Дола, пологими зелеными волнами окружающие и хранящие мою землю, прежде любых мыслей и чаяний — был неотступный сон, вечный мой спутник.

Совсем не детский, и даже не мой. Не знаю чей.

Во сне царит боль. Ломит тело, сердце исполнено страданием, какого никогда (надеюсь!) не бывает наяву. Ноги давно саднит от жесткой стылой земли, на них грязь — знакомая меловая грязь Широкого Дола — и кровь: подошвы исцарапаны острыми кремневыми осколками. В полуночной тьме я бреду, оступаясь, через лес к реке; полноводное течение ревом почти заглушает вой ветра, терзающего верхушки деревьев. Слишком темно, я не вижу дороги, и, когда между вспышками молний воцаряется мрак, я бреду наугад.

Руки оттягивает ноша, замедляя и без того тяжелый путь. Посреди сырости и холода она — единственный островок сухого тепла, и я под плащом прижимаю ее к груди. В свертке новорожденное дитя: моя девочка, мое бремя. Мне нужно от нее избавиться — отнести к реке, положить в бурлящий поток и удержать под волной. А потом разжать руки, и хрупкое тельце, обернутое белой шалью, замелькает в потоке, который унесет девочку прочь. Я должна от нее избавиться.

Рев течения все нарастает, я с трудом спускаюсь по раскисшей тропе — и при виде реки у меня от ужаса перехватывает дыхание. Река разлилась невиданно широко, вышла из границ и уже поднялась к лесу на высоких берегах. Поваленное дерево, служившее нам мостом, исчезло в бурном потоке, а без него мне не опустить ребенка под волны. Меня сотрясает рыдание — неслышное в разгуле стихий. Девочку нужно утопить. Убить. Таков мой долг. Ведь я из семьи Лейси.

Вид разлившейся реки лишает меня воли, я и без того истерзана слезами и муками. Я отчаянно пытаюсь проснуться, зная, что не в силах опустить этот мягкий сверток в ревущий холод, и все же меня гонит долг — я, ослабшая от рыданий, бреду к реке, бурлящей как адский котел. Частью сознания я понимаю, что это лишь сон, всегдашний мой сон, и пытаюсь из него выбраться. Тщетно: сон живет собственной жизнью. Я раздваиваюсь, во мне борются две силы. Одна — маленькая девочка, которая мечется в постели внутри тесных стен комнаты и зовет матушку, пытаюсь очнуться от кошмара. Вторая — женщина с живым младенцем на руках, полная решимости утопить его, как беспородного щенка, в холодном речном потоке, текущем с горных склонов через Широкий Дол и дальше к морю.

1

Теперь я почти старуха. Одряхлевшая сердцем, усталая, готовая к смерти. А когда-то я была девочкой из Широкого Дола — много знающей и невежественной. Прошлое веяло на меня со всех сторон, смутное и зыбкое, как освещенный пламенем дым. Мелькали и проблески будущего — лунным светом в разрывах грозowych туч. Дальние отзвуки то былого, то грядущего преследовали меня упорно и неотступно, как капли

воды, падающие на искривленный меловой сталактит, который все растет и растет, ни о чем не ведая.

Сейчас-то я все знаю. Я давно уже не та глупышка, какой была в отрочестве и юности. Мне пришлось сбросить бремя лжи и полуправды, как гадюка сбрасывает изношенную кожу, и содрать с глаз застарелую чешую, подставляя зрачки под слепящий свет истины. В тот миг кончилось мое невежество. Никто другой так и не посмел взглянуть правде в лицо — мое одиночество некому было разделить. Осталась лишь я одна. Я — и земля Широкого Дола.

Земля. Причина наших деяний и их оправдание. Земля в самой средоточии меловых холмов Южной Англии, щедрая и прекрасная, как райский сад. Долина реки Фенни, покоящаяся среди холмов Южной гряды, как в ладони, и высокие меловые взгорья с густой травой и редкостными луговыми цветами, над которыми летом порхают миниатюрные синие бабочки, — это и был мой мир, очерченный по горизонту холмами. А центром его служил дом, Дол-холл — почерневшие от дыма руины, все больше ветшающие посреди разросшегося розового сада, в который не ступает ничья нога. В прежние дни экипажи, отъехав от парадного входа, катили вниз по меловой дороге, усеянной осколками кремня, вдоль тучных полей и мимо гостевого дома, сложенного из песчаника, к массивным чугунным воротам, которые привратник отпирал в ответ на кивок или брошенную монетку. Налево — деревушка Дол: жилища крестьян, беленый дом священника, церковь с округленным шпилем. Направо — проселок до лондонской дороги, где на углу останавливается дилижанс, идущий к Мидхерсту и дальше на север.

Я — урожденная Джулия Лейси, дочь владельца Широкого Дола и его жены Селии из Хейверинг-холла. Их единственный ребенок и единственная наследница. Меня воспитывали вместе с Ричардом, моим двоюрод-

ным братом, сыном отцовской сестры Беатрис. Она и отец, официально изменив порядок наследования, сделали нас с Ричардом сонаследниками Широкого Дола — и мы всегда знали, что поместье будет принадлежать нам обоим.

Таковы факты. Однако помимо них есть еще и правда. Правда о том, как Беатрис жаждала завладеть поместьем брата и потому пускалась на ложь, интриги, порчу земли, убийство — о да, убийство у всех Лейси в крови. Исполнение планов требовало денег, и ради них Беатрис огораживала поля и перекрывала дороги, поднимала арендную плату и заседала пшеницей все пригодные участки. Она довела мужа до полубезумия и завладела его богатством. Подчинила себе родного брата всеми средствами, доступными женщине. Годами творя беззаконие, она со временем обратила против себя поселян, некогда ее боготворивших, и тогда к особняку двинулась грозная толпа с факелами, предваряемая вождем на вороном коне.

Тогда они и убили Беатрис.

Убили Беатрис, сожгли дом, погубили род Лейси. И навсегда поставили себя вне закона.

Мой отец, владелец поместья, умер от разрыва сердца. Муж Беатрис доктор Макэндрю уехал в Индию, поклявшись расплатиться с кредиторами. Мы трое — матушка, мой кузен Ричард и я — остались одни и перебрались в гостевой домик на полпути между Дол-холлом и воротами поместья. Здесь, в квадратном, похожем на коробку домишке, где вековые деревья нависали над крышей и подступали к самым окнам, жили мы, двое слуг — и целый мир призраков.

Я знала их по именам, я их видела. Не очень четко, слишком смутно для детского восприятия. В ночной полудреме я порой слышала то голос, то слово, то отдаленный отзвук. Однажды где-то рядом зазвенел радостный смех, в другой раз сон, живой и яркий, за-

ставил меня проснуться от ужаса: в окнах моей спальни плясали отблески гигантского пламени — того самого, которое погубило родной Дол-холл, убило моего отца и оставило в живых лишь нас троих. Нас — и семейство призраков.

Из живых людей рядом была матушка. Светлая кожа оттенка палевых роз, широкие скулы, карие глаза с золотистыми искорками. Волосы, светлые в юности, успели подернуться сединой — в золотых локонах залегли тусклые пряди, словно борозды от безжалостных пальцев горя и страдания, коснувшихся ее головы. Она овдовела, когда мне было два года от роду, и я не помню ее в других одеждах, кроме черных, серых и лиловых, как не помню неразрушенного особняка — для меня он всегда был в руинах. В нашем детстве матушка шутила над блеклыми платьями и клялась выйти замуж за богатого негодяя, торгующего розовым шелком. Однако мы выросли, негодяя все не появлялся, куры не спешили нестись золотыми яйцами, да и алмазы на деревьях не вырастали, и матушка все меньше смеялась над старыми темными платьями с изношенным подолом и потертыми швами.

И еще рядом был Ричард. Мой кузен, мой любимый друг, мой маленький тиран, ближайший союзник и злейший враг, пособник и предатель, товарищ по играм, соперник, нареченный. Я любила его всегда. И любила Широкий Дол, сколько себя помню. Ричард был такой же неотделимой частью моего детства и меня самой, как и равнина между холмами, и общинные пастбища, и высокие деревья здешних лесов. Я никогда не знала сомнений — любить или не любить Ричарда, любить или не любить Широкий Дол: оба были частичкой моего сердца, и я не мыслила себя без Ричарда, как не мыслила другого дома, кроме Широкого Дола, и другого имени для себя, кроме Лейси.

Любовь дарила мне счастье. Славный, чудесный Ричард — двоюродный брат, лелеемый как родной, — был всеобщим любимцем; прохожие на улицах Чичестера умиленно оборачивались взглянуть на его легкую походку, копну черных кудрей, ярко-синие глаза и лучистую улыбку. А те, кому посчастливилось слышать пение Ричарда, обожали его за один только голос — чистый безгрешный мальчишеский голос, воспаряющий к немыслимым высотам: от каждого звука меня охватывал трепет, как от дуновения благодатного ветра из заоблачных далей, с блаженных небес. Ради счастья слышать этот голос я часами просиживала за роялем, упражняя руки и разучивая все новые песни, лишь бы аккомпанировать Ричарду, когда он поет.

Он обожал дуэты, но петь с ним я не могла — неминуемо сбивалась с мелодии. Не помогли ни угрозы, ни увещевания. «Послушай же, Джулия! Только послушай!» — восклицал Ричард и пропевал чистой, как весенний ручей, ноту, которую мне никогда не удавалось повторить: я лишь старательнее ударяла по клавишам, аккомпанируя его пению. Вечерами, когда мы все собирались у рояля, матушка порой тихонько напевала без слов вторую партию, а голос Ричарда, чистый и звенящий, заполнял маленькую гостиную и через полуоткрытое окно лился в сад — на зависть певчим птицам, чьими трелями обычно полнились сумерки.

В такие минуты, когда все стихало и в мире царил лишь голос Ричарда, я и чувствовала призраков. Они были с нами всегда, реальные как вечерний туман от реки Фенни, проступающий между деревьями, — однако их чувствовала одна я, и только в редкие мгновения. Двое призраков — Беатрис, мать Ричарда, и мой отец, владелец поместья, — от нас не отходили и по-прежнему держались вместе, как и в недолгие годы расцвета и краха рода Лейси, когда их усилиями создавался и разрушался Широкий Дол.